

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.

(1813—1862 г.).

Степанъ Лукичъ Геевскій, автобіографію котораго мы печатаемъ теперь на страницахъ „Кіевской Старины“, представляетъ изъ себя мало замѣтнаго, но въ высшей степени симпатичнаго харьковскаго дѣятеля 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Дарованія его были весьма скромны; литературныя занятія не только не доставили ему славы и извѣстности при жизни, но даже служили источникомъ частыхъ огорченій и разочарованій. Тѣмъ не менѣ личность его заслуживаетъ нѣкотораго вниманія и признательности съ нашей стороны. Это былъ полезный дѣятель на педагогическомъ поприщѣ, всею душою преданный литературнымъ занятіямъ. Съ этой стороны представляетъ интересъ и обстоятельная біографія его, составленная проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ на основаніи его трудовъ (изданныхъ и неизданныхъ) и отрывковъ изъ печатающейся теперь автобіографіи (см. Харьковскій Сборникъ на 1890-й годъ).

Родился Степанъ Лукичъ въ 1813 г., умеръ въ 1862 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ отца, затѣмъ поступилъ въ Зеньковское Повѣтовое училище, перешелъ въ Полтавскую гимназію, окончилъ ее, а потомъ Харьковскій университетъ и послѣ всего этого былъ мелкимъ чиновникомъ губернаторской канцеляріи, домашнимъ наставникомъ и учителемъ въ Харьковскихъ гимназіяхъ. По выходѣ въ отставку съ пенсіономъ въ 130 руб. въ годъ, Степанъ Лукичъ поселился

въ своемъ крошечномъ хуторкѣ (въ 30 дес.), съ тѣмъ чтобы провести тамъ остатокъ своихъ дней; но желаніе дать образованіе своимъ дѣтямъ заставило его переѣхать въ 50-хъ годахъ въ Харьковъ: онъ помѣстилъ своихъ сыновей въ пансіонъ Сливицкаго, а вмѣсто платы за нихъ долженъ былъ занять здѣсь должность учителя.

Такова была исполненная лишений жизнь этого труженника. Не смотря на болѣе чѣмъ ограниченныя средства „Степанъ Лукичъ постоянно прибрѣталъ книги, значительная часть которыхъ пожертвована теперь его сыномъ Харьковскому историко-филологическому обществу. Степанъ Лукичъ интересовался исторіей Малороссіи и напечаталъ двѣ статьи—„Краткій очеркъ мѣстоположенія и исторической жизни Украины“ и „Объ украинскихъ чумакахъ“; къ южнорусской исторіи и географіи относятся еще ненапечатанные его труды—1) Описание Зеньковского уѣзда Полт. губ., 2) Объ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ и 3) Воспоминаніе объ Украинѣ. Степанъ Лукичъ любилъ свою Украину, и эта любовь нашла себѣ выраженіе какъ въ автобіографіи, такъ и въ литературныхъ трудахъ. Вотъ, напримѣръ, его стихотвореніе „Мои желанія“, посвященное Малороссіи, какъ подражаніе извѣстному стихотворенію „Kennst du das Land?“.

Ты, знаешь ли ты тотъ край, гдѣ лѣсъ шумитъ
И отъ луговъ прохладой чудной вѣетъ,
Гдѣ небо въ заревѣ блистательно горитъ,
Какъ жаръ пройдетъ и лѣсъ стемнѣетъ,
И только по полямъ зашевелится колось,
И слышатся вдали знакомыхъ вѣсенъ голоса.

О, я въ мечтахъ, въ желаніяхъ моихъ
Такъ часто уношусь туда душою—
На полятахъ его богатыхъ, золотыхъ,
Подъ липою душистою, густою,
Желалъ бы я отрадно отдохнуть
И позабыть тяжелой жизни трудъ“.

Прозаическіе и стихотворные опыты С. Л. Геевского довольно многочисленны; ихъ подробно перечисляетъ Н. Ѳ. Сумцовъ; но большая часть ихъ осталась въ рукописяхъ. Тогдашняя

критика была вообще предубѣждена противъ провинціальной литературы и понятное дѣло, что выступать при такихъ условіяхъ молодымъ провинціальнымъ писателямъ было рискованно. Если корифей Украинской словесности (Т. Шевченко) былъ осужденъ за свой провинціализмъ Бѣлинскимъ, то что же говорить о другихъ менѣ видныхъ, начинающихъ писателяхъ! А вліяніе тогдашней критики въ обществѣ было огромное. Извѣстно, что и нынѣ здравствующій въ Харьковѣ талантливый малорусскій поэтъ Я. И. Щеголевъ вовсе было пересталъ писать стихи послѣ одной такой критической замѣтки. Одно изъ литературныхъ произведеній Ст. Лук. Геевского—комедія „Бурсакъ—Учитель“—также вызвало рѣзкій отзывъ критика Отеч. Зап. „Бѣда съ этими провинціальными литературами—киевской, харьковской, астраханской, говоритъ онъ: ждешь отъ нихъ чего нибудь крупнаго, а получаешь мыльный пузырь“. Рецензія эта произвела сильную сенсацію въ Харьковѣ: распространился даже слухъ, что Степанъ Лукичъ отъ огорченія сошелъ съ ума. Но Степанъ Лукичъ не оставлялъ все таки своихъ литературныхъ занятій, ибо находилъ въ нихъ нравственное удовлетвореніе. „Всѣ мои труды, говоритъ онъ, сколько они ни маловажны, принесли мнѣ ту пользу, что я въ нихъ находилъ отдыхъ отъ вседневныхъ занятій, да кромѣ того, подъ предлогомъ ихъ, я могъ иногда (хотя весьма рѣдко) уклоняться отъ омерзѣвшихъ мнѣ бесѣдъ, затворившись въ своемъ кабинетѣ наглухо. Боже мой! Да вѣдь еслибы мои литературные труды были и еще въ десять разъ ничтожнѣе, все таки я пріятнѣе за ними провожу время, нежели въ сообществѣ тѣхъ, съ которыми столкнула меня немилосердная судьба“.

Эта послѣдняя черта—страсть къ литературѣ—является самой выдающеюся у Степана Лукича. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ и личности его болѣе общее, такъ сказать, типическое значеніе. Съ этой стороны представляетъ интересъ и печатаемая теперь автобіографія. Она рисуется намъ студента Харьковскаго университета 30-хъ годовъ, на всю жизнь удержавшаго добрыя традиціи университетской жизни, пылъ юности и любовь къ природѣ и поэзіи. Харьковскій университетъ, основанный въ

началѣ царствованія Имп. Александра 1-го, сдѣлался объединяющимъ центромъ всѣхъ научно-литературныхъ интересовъ въ краѣ и скоро самъ воспиталъ не мало новыхъ дѣятелей на литературной нивѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить Нахимова, Масловича, издателей Украинскаго Вѣстника и т. п. Аракчеевская реакція не могла подавить литературнаго движенія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ прежней „золотой“ порѣ Александровскаго царствованія. Въ царствованіе Имп. Николая Павловича въ Харьковскомъ университетѣ выступило на сцену новое поколѣніе дѣятелей, это—украинскій кружокъ Костомарова, Срезневскаго, Корсуна, Квитки и др. Степанъ Лукичъ не принадлежалъ къ нему, стоялъ повидимому какъ бы на рубежѣ прежняго общелитературнаго и новаго украинскаго направленія, хотя и у него преобладающей чертой является тотъ самый романтизмъ народности, какой мы видимъ у Іереміи Галки и всего украинскаго кружка. Но любовь къ Малороссіи у него выросла не подѣ книжными или кружковыми вліяніями, а непосредственно подѣ вліяніемъ Украинской природы и живаго общенія съ мѣстной средой. Полтавскій хуторянинъ, конечно, долженъ былъ сродниться и съ народною рѣчью, и съ народною пѣснью, и первый ввелъ его въ область старины его отецъ; въ тогдашнемъ хуторскомъ обществѣ еще хранилось живое преданіе украинской старины и удержались даже самыя основы старой малороссійской жизни; ихъ то и воспринялъ С. Л. Геевскій.

Печатаемая теперь „Автобіографія“ обнимаетъ дѣтство и юность Степана Лукича (съ 1813 по 1834-й годъ). Основнымъ содержаніемъ ея являются рассказы С. Л. объ ученіи въ Зеньковскомъ повѣтовомъ училищѣ, Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ. Живое, простое, безыскусственное изображеніе педагогическихъ приѣмовъ и педагогической среды заинтересовываетъ читателя и заставляетъ его простить автору нѣкоторую бѣдность содержанія мемуаровъ. С. Л. Геевскій послѣдовательно шагъ за шагомъ, излагаетъ исторію своей сѣренькой жизни, а въ концѣ концовъ у читателя получается ясное, отчетливое представленіе и о жизни тысячи другихъ такихъ же

мелькопомѣстныхъ дворянъ. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ слѣдуетъ отмѣтить разсказъ Ст. Лук. о холерѣ 1830 года и пребываніи его въ Куземинскомъ карантинѣ.

На всемъ разсказѣ лежитъ печать если не литературнаго таланта, то по крайней мѣрѣ литературной опытности: языкъ вездѣ правильный, свободный отъ шероховатости; не смотря на то, что мемуары эти писались болѣе 40 лѣтъ тому назадъ. изложеніе ихъ и теперь не представляется устарѣлымъ. Оригиналъ автобіографіи Ст. Л. Геевскаго принадлежитъ Харьковскому историко-филологическому обществу и хранится въ его архивѣ.

Д. И. Багалъй.

ГЛАВА I.

Отъ чего произошло, что я старшій въ семействѣ.

Осенью 1812 года была необыкновенная тревога у насъ въ Малороссіи... ожидали Бонапарта? Это магическое слово наводило ужасъ на всѣхъ, и хотя официальнымъ образомъ достоверно уже было извѣстно, что враги отечества нашего направить путь свой къ Москвѣ совсѣмъ другой дорогой, однакожь, не смотря на это, а равно и по преданію о походѣ на Россію Карла XII, котораго слава сокрыта въ могилѣ на нашей родинѣ, со страхомъ и ужасомъ ожидали Французовъ... Волненіе въ народѣ, какъ я сказалъ, было необыкновенное. Ходили слухи объ антихристѣ и представленіи свѣта; помѣщики, немного поумнѣе, страшились чужеземнаго ига и опасались за свои имущества, свободу и жизнь... формировались полки на счетъ дворянъ; на алтарь отечества приносили кто что могъ; молодой народъ, разумѣется кромѣ маменькиныхъ сынковъ, горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ отечества, степенные помѣщики, обзяведшіеся уже женой, домикомъ, хозяйствомъ и деньженками, разсуждали немного похладнокровнѣе; но однакожь по первому призыву правительства, въ самое короткое время, выставили лошадей, аммуницію, сухарей, крупъ и т. п. принадлежности похода...

Милиція отправилась къ назначеннымъ пунктамъ; со слезами на глазахъ было прощаніе родственниковъ съ молодыми защитниками отечества. Волненіе нѣсколько затихло; но не затихъ внутренней голосъ боязни и неизвѣстности... Въ это то время начали подумывать какъ бы сохранить хотя часть имущества въ случаѣ нашествія французовъ. Предположеній было много: одни совѣтовали продать лишнее и, обративши въ деньги, отдать ихъ въ приказъ; другіе разсуждали, что это невѣрно, ибо и приказъ можетъ быть разграбленъ неприятелями; а лучше отослать туда, гдѣ не будетъ Бонапарта. . Но гдѣ же не будетъ Бонапарта? спрашивали третіе—вѣдь онъ хочетъ завоевать Россію,—такъ слѣдовательно вездѣ найдетъ насъ... а гораздо вѣрнѣе зарыть въ землю деньги и другія драгоценности, а прочее предоставить волѣ Божіей: лѣса и постройки хоть и сожжетъ, но вѣдь полей не укуситъ!—Это послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ, и вотъ, въ лѣсахъ, ярахъ, пещерахъ, погребяхъ и другихъ сокровенныхъ мѣстахъ начали работать топоры, заступы, лопаты... Жены и дочери съ боязнью посматривали на эти приготовленія; но необходимость доказывала, что это было необходимо.

А что вы „Лука Ивановачъ“ не заботитесь о сохраненіи своего имущества?—спрашивалъ отца моего сосѣдъ Акимъ Милетьевичъ.—А какое тамъ у меня имущество!—возразилъ онъ; успѣю, не безпокойтесь, а можетъ случиться и то, что французы вовсе у насъ не будутъ. Вѣдь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ...—Да что ваши Московскія Вѣдомости! съ позволенія сказать, иногда надуваютъ...—Ну, да не въ такомъ же разѣ? Опасность велика: не позволять же печатать какихънибудь небылицъ...—И, помилуйте, Лука Ивановичъ, ужъ какія небылицы печатаются—и не доведи Господи! Вотъ напримѣръ въ 53 номерѣ...—Опять старая пѣсня! Далась вамъ знать эта баталія; конечно, оно несправедливо,—но вѣдь возможно-же... Дѣло шло о томъ, что въ одномъ сраженіи взять былъ въ плѣнъ полковникъ, который, какъ по справкѣ оказалось, вовсе не былъ полковникомъ, а, вѣрнѣе сказать—полковницей, т. е.

женщиной въ военной одеждѣ... „Эта женщина, сказано было въ газетахъ, сражалась храбро и имѣла на груди своей орденъ почетнаго легіона, что одно уже показываетъ ея мужество и неустрашимость!“ Тщетно отецъ мой увѣрялъ Акіма Милетьевича; что это возможно, и доказывалъ историческими фактами объ Амазонкахъ и Орлеанской дѣвственницѣ Іоаннѣ д'Аркъ. (Отецъ мой хотя нигдѣ не учился, или, какъ онъ самъ говорилъ: учился на мѣдныхъ деньги, однако-же былъ человѣкъ умный отъ природы и образованный чтеніемъ).

— Я не читаю вашихъ исторій, да и онѣ отчасти лгутъ, и ни за что не повѣрю существованію этой храброй полковницы— все это выдумки, чтобъ было что печатать и брать съ насъ деньги.

— Да почему же вы не вѣрите?

— Почему? Пошлите на сраженіе свою Ольгу Ивановну— какой съ нея будетъ воинъ?—

— Женщина женщинѣ—рознь! Впрочемъ, васъ не переувѣришь! Лучше оставимъ этотъ разговоръ и займемся чѣмъ нибудь поинтереснѣе.

И Акімъ Милетьевичъ, опоражнивая маленькія чашечки съ пуншемъ, называемыя имъ въ насмѣшку наперстками, одну за другой, вновь принимался убѣждать отца моего въ необходимости сохраненія имущества... Отецъ мой и въ этомъ не согласился съ Акімомъ Милетьевичемъ.

Отцу моему было въ это время 45 лѣтъ. Женатымъ же онъ былъ всего только 10 мѣсяцевъ—немножко поздненько, да дѣлать нечего!

— Успѣемъ, думалъ онъ про себя, успѣемъ еще! Отецъ же мой прожилъ до 80 лѣтъ, авось и мнѣ Господь Богъ поможетъ—и дѣтокъ пристроимъ, и состояніе наживемъ для нихъ же... Мать моя была въ это время беременна и на послѣднихъ дняхъ. Она вдвойнѣ страдала. Приближеніе родовъ наводило на нее страхъ естественный; приближеніе къ границамъ Россіи Наполеона ввергало ее въ какое то судорожное состояніе; постоянно находилась она въ паническомъ страхѣ, такъ что почти

ничего не читая, она съ необыкновеннымъ, болѣзненнымъ любопытствомъ читала извѣстія о войнѣ, сообщаемыя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и во-снѣ, и на-яву представлялись ей французы. Этакое состояніе не давало ей покою ни на одну минуту.

Природа во всей красотѣ и прелести расцвѣтала, какъ бы для того, что бы своимъ очаровательнымъ видомъ закрыть печальную картину тоски и унынія душевнаго... Моя мать съ одной изъ своихъ служанокъ отправилась въ садъ прогуляться и насладиться чистымъ воздухомъ. Видъ изъ нашего сада, на окружающія его окрестности, очаровательный. Этотъ заброшенный уголокъ земли былъ истинно поэтической: съ одной стороны лѣсъ на горѣ и близъ него мельница и нивы; далѣе ландшафтъ хуторовъ, разбросанныхъ по ту и другую сторону луговъ, окаймленныхъ рѣкою и вѣчно зеленыхъ, даже въ ненастную осень зеленыхъ и свѣжихъ, какъ весною; потомъ высокая гора съ уединенно стоящими на ней крестами надъ могилами покойниковъ; синѣющая даль лѣсовъ, хуторовъ, мѣстечекъ, теряющихся въ неопредѣленномъ горизонтѣ, сливающимся съ землею почти близъ Ахтырки... Ахтырка, Груны, Шигиреевка, Зѣньковъ, Гадячъ, Веприкъ, Павловка, Опошня—вотъ кайма нашего родового хутора. Къ очаровательной природѣ прибавьте и поэтическія преданія о старинѣ: здѣсь проходилъ Сагайдачный съ своими молодцами—панибратами; здѣсь на этихъ поляхъ онъ закуривалъ свою коротенькую люльку; здѣсь, можетъ быть, мечталъ онъ о своей польской панночкѣ—и пылкая душа его изливалась въ звукахъ заунывной пѣсни... Здѣсь орды татаръ, какъ несмѣтная полчища саранчи, располагались своимъ таборомъ; здѣсь имѣлъ лагерь свой Карлъ XII съ своими сѣверными богатырями; здѣсь думалъ крѣпкую думу свою Петръ Великій; здѣсь и предки наши за 300, 200 и 150 лѣтъ зарывали въ землю сокровища, чтобы скрыть ихъ отъ татаръ, шведовъ; здѣсь и теперь видите уединенно-стоящіе сторожевые курганы, свидѣтели славныхъ подвиговъ старины, прекрасной старины, забываемой, къ сожалѣнію, неблагодарными, невѣже-

ственными потомками... О, здѣсь ли, среди этой очаровательной малороссійской природы, подъ наитіемъ чудныхъ воспоминаній—можно остаться безчувственнымъ, хотя бы рокъ и не сумилъ вамъ быть поэтомъ или живописцемъ?.. Но я увлекся...

Мать моя тихо и задумчиво гуляла въ саду, занятая всегдашнею своею мыслью о французахъ. На близъ лежащемъ лугу пасся табунъ лошадей, принадлежавшій моему отцу; лошадей было съ полсотни. Моя мать вовсе не обращала на нихъ никакого вниманія, можетъ быть, даже и не видѣла ихъ. Была пора обѣда, который въ деревнѣ, а особенно въ тѣ времена, бывалъ очень рано. Пастухи, смотрѣвшіе за табуномъ, предоставили ему свободу отправляться въ хуторъ: дикія лошади фыркнули и помчались стрѣлою... Въ это только время мать моя замѣтила несущихся лошадей—напуганное воображеніе ея тотчасъ дорисовало ей картину: ей представились французы, сабли, ружья, пики, цѣлый лѣсъ копій—и она упала въ обморокъ!

Испуганная этимъ происшествіемъ горничная пустилась бѣжать въ домъ, чтобы дать знать о случившемся. Разумѣется, тотчасъ же прибѣжали; безчувственную мать мою перенесли въ домъ, употребили всѣ средства, чтобы привести ее въ чувство.—Она очнулась... На третій день она разрѣшилась отъ бремени мертвымъ сыномъ преждевременно.

ГЛАВА II.

Мое рожденіе и первыя семь лѣтъ жизни.

Въ нынѣшнія горькія минуты жизни моей часто приходятъ мнѣ на мысль два стиха одного изъ моихъ товарищей, который писалъ ихъ вовсе не по вдохновенію поэтическому, а потому, что въ тѣ времена, когда мы учились въ гимназій, учитель непременно требовалъ стиховъ и притомъ такъ: когда учить о поэмѣ—и пиши поэмю, учить объ идилліи—и сочиняй идиллію и т. д. Надобно было писать элегію, и товарищъ мой началъ ее такъ:

А я бѣ ужъ лучше не родился,
Когда бы можно было сдѣлать такъ...

Помню, что тогда мы всѣ чуть не умерли со смѣху отъ этихъ стиховъ, и самъ учитель, желая сохранить педагогическую важность, выходилъ раза три въ корридоръ, потомъ возвращался въ классъ съ серіознымъ лицомъ, но потомъ опять начиналъ хохотать—и этому конца не было!... Намъ казались и глупыми, и смѣшными эти стихи. Но теперь часто въ глубинѣ души моей я повторяю ихъ... Да, право, лучше *не родиться*, лучше не жить въ этомъ вѣкѣ... Но сдѣлать такъ нельзя, къ сожалѣнію моему, и *поелику* (тогда еще употребляли слово поелику) я родился, то надобно жить, и...

Я не хочу, о други умирать—
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!...

Я родился 28 ноября 1813 года, вечеромъ, въ день Стефана Новаго, почему и назвали меня этимъ именемъ; ибо мой отецъ рассуждалъ такъ: что во 1-хъ, не должно презирать именъ, которыя носили люди святые, а во 2-хъ, и дѣтямъ легче, ибо придется *справлять* разомъ рожденіе и именины—лишняя копейка въ карманѣ останется... И такъ я родился...

Нѣсколько дней отецъ мой находился въ восторгѣ невыразимомъ, какъ потому, что у него есть наслѣдникъ, такъ и потому, что именно сбилось по его желанью и предположенію (онъ желалъ сына).—Не смотря на всю свою расчетливость, онъ рѣшилъ отпраздновать крестины мои самымъ торжественнымъ образомъ. Восприемниками отъ св. купѣли были приглашены: недавно возвратившійся изъ милиціи противъ Бонапарта братъ матери моей маіоръ Левъ Ивановичъ Перекрестовъ, родной братъ отца моего поручикъ Иванъ Ивановичъ Геевскій, дѣвица Александра Гр. Зерцалова (нынѣ помѣщица Рошаковская) и еще кто-то, чего я уже никакъ не могъ доискаться, ибо въ метрику не значится... Крестины мои были *бучные*—одного вина (разумѣется недорогого) выпито на 70 руб. асс. Мать моя была очень слаба и потому не могла кормить грудью сама. Нанята была кормилица. Кормилица моя, по сознанию и засвидѣтельствуванію всѣхъ, была женщина честнѣйшихъ пра-

вилъ и неукоризненной нравственности. Я благодарю судьбу, что это такъ случилось, ибо вѣрю, что добрыя и дурныя свойства всасываются съ молокомъ въ самомъ младенчествѣ. Я видѣлъ ее только одинъ разъ въ жизни, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать. Я былъ первый сынъ, а потому меня не только любили, но и баловали достаточно. Въ прислугу мнѣ назначены были, кромѣ кормилицы, еще двѣ женщины, которыя обязаны были качать меня въ люлькѣ не поочередно, а обѣ рядомъ за веревки (прошу вспомнить устройство простыхъ, деревенскихъ люлекъ, и теперь употребляемыхъ). Я былъ капризенъ и самоволенъ, и еще (одна особенная черта), будучи окруженъ женщинами, называлъ себя всегда въ женскомъ родѣ: я ходила, я говорила,—это продолжалось лѣтъ до пяти, и то насилу отучили меня. Меня кормили чѣмъ ни попало, не смотря на строжайшее запрещеніе отца.

Въ 6 лѣтъ я совершенно избавился изъ-подъ опеки женщинъ, а взамѣнъ того ко мнѣ приставлены были два деревенскихъ мальчика, изъ коихъ одинъ былъ мой ровесникъ, а другой гораздо постарше.—Этотъ-то и былъ собственно моимъ менторомъ, а другой въ родѣ компаніона. Съ этого времени собственно и начинается жизнь сознательная, поэтическая! Мы могли бѣгать втроемъ, куда намъ вздумается; ни горы, ни рвы, ни деревья, ни крыши, ни пруды насъ не останавливали. Не имѣя никакого понятія о маскахъ, мы выдумали своего рода маскарадъ: бродя по горамъ, мы случайно открыли какое-то растеніе, котораго корень заключалъ въ себѣ сильное красильное вещество. Скинувши съ себя все платье, даже рубахи, мы выкрашивали другъ друга, подобно дикарямъ, и часто пугали поселянъ, работавшихъ въ полѣ, а особенно дѣтей, и восхищались своими продѣлками. Нѣкоторыя удалства весьма дорого обходились. Два раза чуть я не лишился жизни: разъ упалъ въ прудъ и меня вытащили полумертваго, въ другой—спускавшись съ высочайшей горы на саночкахъ, я ударился о бревно, внизу лежавшія, и лишился чувствъ, но обо всемъ этомъ ни отецъ, ни мать не знали—и мы по прежнему шалили и дурачились какъ

намъ было угодно. Такъ протекала жизнь моя! Я былъ и здоровъ, и веселъ, и счастливъ... Моя мать вовсе не занималась мною. Отецъ мой тоже рѣдко занимался мною, ибо обязанъ былъ заниматься хозяйствомъ и притомъ любилъ читать книги, которыхъ у него было много; но вообще родительское вліяніе его на меня было такъ благодѣтельно, что я и теперь, черезъ 25 лѣтъ, не могу забыть ни его ласкъ, ни его наставленій. Всего важнѣе то, что я спалъ съ нимъ на одной кровати! Здѣсь—то была первая школа, въ которой переданы были первыя правила жизни и нравственности, и притомъ—языкомъ родительскимъ, отъ сердца благородно-мыслящаго, высоко-чувствующаго. Чего здѣсь не было? Здѣсь я выслушивалъ и прелестныя сказки (иныя, кажется, собственнаго сочиненія моего отца); здѣсь рѣшались хозяйственныя практическія задачи; здѣсь я выучилъ, прямо изъ устъ отца, первоначальныя молитвы, всѣ заповѣди, символъ вѣры и т. п.; здѣсь-же сообщались и первыя географическія и историческія свѣдѣнія, до такой степени, что я на седьмомъ году возраста зналъ кое-что и объ Америкѣ, и о черныхъ людяхъ, и о Петрѣ Великомъ, и о Наполеонѣ, и о Ломоносовѣ... Все это живо занимало мое младенческое воображеніе, мой свѣжій дѣтскій умъ, и цѣликомъ врѣзывалось въ душу, какъ желѣзо въ мягкую почву земли... О незабвенное, прекрасное время! Тебя никогда не забуду я... Воспоминаніе о тебѣ наводитъ на меня какое-то грустное, но вмѣстѣ сладостное впечатлѣніе...

И вотъ мнѣ свершилось (или какъ гооворилъ покойный мой отецъ, *стукнуло*) семь лѣтъ. Надобно было подумать объ ученіи правильномъ, какъ всѣ думали тогда, а нѣкоторые и теперь въ томъ увѣрены; но по моему мнѣнію, педантическомъ и нелѣпомъ. Подумавши и посовѣтовавшись кое-съ кѣмъ, рѣшились отдать меня въ Зѣньковское Повѣтовое училище: это было 1822 году. Эпоха важная—происшествіе чрезвычайное! Сборамъ не было конца: шили бѣлье, выписали портного изъ города, который тутъ-же, въ моихъ глазахъ, кроилъ и шилъ для меня платье: нанковый сюртучокъ, такую-же куртку и 2 панталонъ, 2 жилета

изъ шалону, шубу изъ черныхъ барашковъ, шинель, не помню, тоже, кажется, нанковую, а можетъ быть и казимировую... Все это было сложено въ сундучокъ, замкнуто и ключъ врученъ мнѣ... Я забылъ сказать, что за педѣлю до отъѣзда моего въ Зѣньковъ, отецъ мой купилъ азбуку и подарилъ мнѣ цѣлый рубль одними пятаками старинными въ четверть фунта каждый — и это также было положено въ тотъ-же сундучокъ! И такъ я былъ уже лицо важное, самостоятельное—у меня была своя собственность, и ключъ отъ нея висѣлъ на собственной моей курточкѣ, завязанный въ петличку!—Я былъ и радъ, и не радъ! Какое-то неопредѣленное чувство тѣснилось въ душѣ моей... не могу дать теперь отчета въ этомъ, но знаю, что я сдѣлался задумчивѣе прежняго, папенька смотрѣлъ на меня нѣжнѣе, и однажды, когда мы легли спать (это было наканунѣ отъѣзда въ Зѣньковъ), сказалъ мнѣ: „я надѣюсь на тебя, Степанъ! Ты не ударишь въ грязь лицомъ“!

ГЛАВА III.

Пребываніе мое въ домѣ зрителя и въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ училищѣ.

Старая бричка, въ которой обыкновенно ѣздилъ отецъ мой была запряжена парюю смирныхъ лошадей и подъѣхала къ крыльцу. Съ часъ простояли лошади, пока все, по обычаю, было сдѣлано. Не смотря на то, что я отправлялся за три версты отъ дому—со мной прощались, какъ будто я уѣзжалъ, по крайней мѣрѣ, въ Москву или Петербургъ. Маменька принималась нѣсколько разъ плакать; папенька объяснилъ мнѣ, какъ хорошо учиться и представлялъ примѣры. Пока продолжались прощанья, обниманья и цѣлованья, въ бричку между тѣмъ укладывали сундучокъ мой, двѣ булки, завязанныя въ салфетку, голову сахару и еще кое что, забытое мною за давностью времени. Мы вышли наконецъ, сѣли и поѣхали.

Надобно вспомнить при этомъ, что отецъ мой, не смотря на недостаточное свое состояніе, рѣшился дать мнѣ хорошее воспитаніе. Въ это время смотритель зѣньковскаго повѣтоваго училища былъ Иванъ Ивановичъ Кричевскій, человѣкъ извѣстный своею образованностью. У него-то я долженъ былъ жить и учиться. Плата за меня была очень значительная: 300 руб. ассиг., голова сахару, 1 фунтъ чаю, 2 четверти пшеницы, 10 ведеръ водки ¹⁾, а кромѣ того, обѣщано было безъ договору присылать домашней птыцы и прочаго иного *малую толику*.

Не могу безъ удовольствія вспомнить, что отецъ мой не могъ ничего лучше сдѣлать, какъ помѣстить меня въ этотъ домъ, гдѣ я получилъ первыя начала воспитанія, за которыя вѣчно останусь благодаренъ. Мы пріѣхали прямо къ Ивану Ивановичу Кричевскому. Приняли насъ какъ нельзя лучше. У него была мать, старуха лѣтъ 60, и двѣ сестры, (Анна Ивановна и Прасковья Ивановна). Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ пансіонерской комнатѣ въ сообществѣ 5 другихъ учениковъ, которые приняли меня, хотя какъ новичка, но тѣмъ не менѣ довольно радушно. Черезъ нѣсколько часовъ папенька уѣхалъ. Я остался одинъ—мнѣ стало грустно, и я чуть не заплакалъ, но изъ этого непріятнаго состоянія вывелъ меня мой наставникъ, т. е. штатный смотритель.

„Пора тебѣ начинать учиться!“ —сказалъ онъ. „Сегодня легкій день, воскресенье! Вотъ тебѣ и учитель.... А ты, Карпъ, смотри—учи панича хорошенько“, сказалъ онъ, обратившись къ вошедшему лакею, мальчику лѣтъ 12, „ты уже дошелъ до молитвъ, такъ азбуку и склады можешь преподавать“. Я досталъ букварь свой изъ сундучка, сѣлъ за столъ, Карпъ возлѣ меня—и студія началась.... А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е—это былъ первый мой урокъ.... урокъ, казалось-бы, и не великъ и не головоломенъ; но онъ показался мнѣ тогда труднѣе философіи, которую послѣ слушалъ я въ харьковскомъ университетѣ.

Такъ живо, такъ глубоко врѣзался мнѣ въ душу и этотъ первый урокъ, и этотъ первый учитель мой, что я готовъ тотчасъ нари-

¹⁾ У Л. И. Геевского быча своя винокурня.

совать все это: и новенькую азбуку, и лицо Карпа, мальчика лѣтъ 12, и его пестрадевый сюртукъ, и даже комнату, въ которой посѣяны были въ душу мою первыя сѣмена премудрости. Первый урокъ мой продолжался весьма недолго, во-первыхъ потому, что я его скоро выучилъ, а во-вторыхъ, что принесли завтракъ, состоящій изъ горячаго гречаника съ коровинымъ масломъ: помню, что это кушанье, съ которымъ тогда я въ первый разъ и познакомился, мнѣ чрезвычайно понравилось и нѣкоторымъ образомъ заинтересовало меня къ дальнѣйшимъ блистательнымъ успѣхамъ на поприщѣ образованности. По окончаніи завтрака учитель мой и я отправились гулять въ садъ. Такимъ образомъ, послѣ всякаго урока мы уходили въ садъ съ Карпомъ; уроки наши шли своимъ чередомъ, прогулки своимъ; я не былъ ни въ чемъ стѣсненъ, и потому нисколько не тяготился, потому болѣе, что и самое-то ученіе мнѣ послѣ другаго—третьяго урока вовсе не казалось труднымъ. Карпъ былъ постояннымъ моимъ учителемъ; иногда только самъ смотритель приходилъ посмотреть, какъ мы учимся, и, проѣкзаменовавши *зады*, сказалъ: „хорошо“, а обратившись къ Карпу, прибавилъ: „Вотъ Степаша скоро тебя перегонитъ и изъ ученика твоего сдѣлается твоимъ учителемъ“. О самолюбіе! Тогда же въ душѣ моей явилось тайное желаніе перегнать Карпа и, не въ шутку только, сдѣлаться его учителемъ. Прилежаніе мое утроилось, способности развернулись, и я черезъ мѣсяць или полтора уже читалъ молитвы, затрудняясь только тѣми словами, надъ которыми стояли титулы. „Баста“! сказалъ смотритель „полно быть Карпу учителемъ“! Въ дальнѣйшемъ ходѣ моего образованія, я поступилъ въ вѣдѣніе сестры смотрителя Анны Ивановны, которая уже преподавала высшій курсъ, т. е. начиная отъ молитвъ до конца букваря. Я старался учиться хорошо, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ со мною учились еще двѣ барышни, почти однихъ лѣтъ со мною, Пащенкова и Рыжова. Такъ какъ я былъ довольно скромнень и послушенъ, и часто съ успѣхомъ выполнялъ требованія и порученія Анны Ивановны, по предметамъ—разматыванія нитокъ и шелку, и нанизыванія бисеру,

то естественно она меня хвалила—и жизнь моя текла приятно и безмятежно!

Окончивши мой урокъ и разматываніе нитокъ или нанизываніе бисеру, я могъ уходить къ прочимъ пансіонерамъ; но такъ-какъ они весьма гордо со мной обращались, какъ потому, что уже учились въ училищѣ, такъ и потому, что были гораздо богаче (нѣкоторые носили бѣлые воротнички—признакъ аристократизма; одинъ имѣлъ свою лошадь верховую),—то я предпочиталъ отправляться съ Карпомъ, куда намъ вздумается. Чаще всего мы гуляли въ саду: строили погребца, обивали яблоки, ѣли всякую зелень, растущую въ саду, если она хоть немного была сладка. Когда настала осень, а потомъ зима, то я и другіе пансіонеры, выучивши свои уроки, должны были приходиться къ *бабушкѣ* (такъ мы называли мать смотрителя, старуху лѣтъ 60) и играть съ нею въ дурачки. Здѣсь собиралась компанія довольно значительная: бабушка, двѣ ея дочери, иногда самъ смотритель, два лакея, Карпъ и Михайло, я и еще два или три пансіонера. На этихъ карточныхъ вечерахъ бывало иногда очень весело: главное всеобщее удовольствіе состояло въ томъ, чтобы дурачить Карпа. Всѣ по взаимному соглашенію, однажды навсегда утвержденному, должны были собирать и приберегать тузовъ, которыми подъ конецъ и надѣляли Карпа—онъ, разумѣется, оставался *дурнемъ*, и всѣ смѣялись. Иногда случалось ему получать вмѣсто четырехъ восемь тузовъ—тогда всеобщая радость еще болѣе увеличивалась!

Но не всегда-жъ коту масляница—говоритъ пословица. Я подъ руководствомъ Анны Ивановны выучилъ букварь и умѣлъ довольно бойко разбирать другія книги и даже, кажется, уже началъ писать на деревянной доскѣ.

Иванъ Ивановичъ, увидѣвши мои успѣхи, сказалъ: „теперь пора и въ училище!“—Этотъ лаконизмъ мнѣ вовсе не понравился, какъ потому, что угрожалъ разными наказаніями, такъ и тѣмъ, что отрывалъ меня отъ жизни, довольно мнѣ понравившейся. Но дѣлать нечего. Дрожки довольно порядочныя, но впрочемъ не рессорныя, на которыхъ ѣздилъ только самъ Иванъ Ивановичъ, да иногда барышни, его сестры, были

запряжені—и мы поѣхали въ *Зньковское Повѣтовое училище*. Кто бывалъ въ Зньковѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ при самомъ вѣздѣ со стороны Полтавы, тотчасъ за греблю (плотиной), два низенькихъ домика, выходящихъ фасадомъ на улицу. Въ одномъ изъ нихъ, какъ и теперь ¹⁾, находилось училище, въ другомъ жили учителя. Чтобы не уличили меня во лжи въ послѣднемъ обстоятельстве, т. е. что учителя жили въ казенномъ училищномъ домѣ, я намѣренъ присовокупить маленькое объясненіе, состоящее въ слѣдующемъ: кромѣ тогдашняго *духа времени*, (извините за философское выраженіе), этому способствовало еще и доброе сердце штатнаго смотрителя Кричевскаго, который, видя горестное положеніе голодной ученой братіи и имѣя собственный домъ, *дозволилъ* ей жить въ казенномъ, гдѣ имъ было и тепло, и покойно, и близко.

Мы приѣхали такъ рано, что классы еще не начинались; но при первомъ раздавшемся стукѣ экипажа смотрительскаго, всѣ учителя тотчасъ же явились въ училище—и я былъ представленъ имъ еще на крыльцѣ; потомъ мы пошли въ *нижнее отдѣленіе*. (Тогда такъ назывался первый классъ училища).

Обратясь къ Игнату Григорьевичу Луценку, смотритель сказалъ: „Смотрите, Игнатъ Григорьевичъ, не балуйте его! чтобы онъ учился у васъ хорошо,—въ особенностн обратите вниманіе, чтобы онъ писалъ правильно и хорошо, и уроки изъ св. исторіи пусть учитъ, а уже съ ариеметикой повременимъ до того года“. (Ибо это было среди акад. года). А ты, Степаша, слушайся учителя и веди себя хорошо; чего не знаешь—спроси, испортишь перо—отдай починить Игнату Григорьевичу. Сказавши эти слова, онъ отправился въ другой классъ, потомъ въ третій, а черезъ четверть часа дрожки опять застучали... Я остался въ нижнемъ отдѣленіи. Признаюсь, не безъ особеннаго чувства страха смотрѣлъ я на новаго для меня начальника въ лицѣ Игната Григорьевича, и только новость положенія моего нѣсколько отвлекала отъ этого чувства. Шумъ и крикъ нынѣшнихъ Ланкастерскихъ школъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ

¹⁾ Здѣсь помѣщается теперь Двухклассное городское Училище.

гамомъ, который оглушилъ меня на первомъ шагу публичнаго воспитанія. Представьте себѣ около 40 или 45 учениковъ разнообразнаго происхожденія, въ разнообразныхъ костюмахъ, начиная отъ аристократическаго воротничка, которымъ щеголяли сынъ городничаго и одинъ изъ пансіонеровъ Кричевскаго—Ситенскій, до нестядеваго халата, подпоясаннаго кромкой изъ сукна, въ которомъ *просвѣщалась* почти половина класса; представьте, что вся эта масса жужжить на разные голоса: одинъ учитъ азбуку, другой твердитъ склады, третій дѣлаетъ задачи, четвертый учитъ символъ вѣры, пятый громогласно повѣствуетъ исторію прекраснаго Іосифа, шестой и седьмой потихоньку толкаются между собою, а потомъ немножко погромче дерутся за чубы и т. д. Представьте Игната Григорьевича, расхаживающаго среди всей этой кутерьмы по классу и безпрерывно покрикивающаго въ разныя стороны, „что ты тамъ шалишь, дуракъ!—Пять помноженное на шесть равняется тридцати, а не тридцати двумъ, осель! Гамалѣя! читай! Пентефрія, а не Пентерфія!—Стань на колѣни, Глоба! и проч. и проч.“ Представьте себѣ, говорю, все это—и вы будете имѣть понятіе и о нижнемъ отдѣленіи блаженной памяти 1822 года, и о моемъ страхѣ, когда я впервые вошелъ въ это святилище!

ГЛАВА IV.

Продолженіе о томъ-же.

Первый шагъ на поприщѣ публичнаго воспитанія мною сдѣланъ; первое впечатлѣніе страха прошло—я освоился съ учителемъ и учениками, и мнѣ стало какъ-то веселѣе и лучше. Признаюсь, что пребываніе мое въ училищѣ тогда уже казалось мнѣ довольно поэтическимъ, хотя о поэзіи я тогда имѣлъ менѣе понятія, нежели теперь о китайской литературѣ Булучи дитятею, я какъ-то легко привыкалъ ко всему, мнѣ все нравилось: я не могъ снести только, когда меня оставляли безъ обѣда, что впрочемъ случалось очень рѣдко. Такъ точно теперь, когда 34 года пронеслось надо мною, когда много несчастій суждено было испытать мнѣ—я покоряюсь судьбѣ моей, въ самомъ несчастіи

нахожу источникъ наслажденій, потому что и терпѣть и страдать—есть также что-то поэтическое, особенно, когда терпѣть и страдать приходится невинно и притомъ отъ глупцовъ и мерзавцевъ. Мнѣ кажется, я не перенесъ бы только двухъ несчастій: физическаго страданія и недостатка въ необходимомъ для своего содержанія,—это уже дѣло природы, а не моего размышленія. У зрителя было, кажется, шесть или семь пансіонеровъ, которые всѣ учились въ училищѣ. Такъ какъ домъ его, т. е. наша квартира, находился на одномъ концѣ, а училище на другомъ, и разстояніе между тѣмъ и другимъ было около—двухъ съ половиною верстъ, то, безъ сомнѣнія намъ нельзя было ходить пѣшкомъ, а потому насъ обыкновенно препровождали на особеннаго рода дрожкахъ, особеннаго рода лошадыю,—а кучеромъ былъ прежній *мой наставникъ* Карпъ. Дрожки эти состояли изъ широкой доски, укрѣпленной на четырехъ колесахъ: мы садились обыкновенно по три съ одной и по три съ другой, разумѣется спинами другъ къ другу, Карпъ же лицомъ къ лошади, о которой также надобно сказать нѣсколько словъ. Она была бѣлой шерсти, довольно рослая, но такихъ *преклонныхъ лѣтъ*, что едва передвигала ноги подъ тяжестью семи особъ, которыхъ она обязана была препроводить два раза въ училище и обратно. Встрѣчавшіе насъ мальчишки, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ недостатка, бѣжали за нами толпой, кричали, что уже *везутъ горшки*, бросали иногда щепки и куски земли, но мы мало обращали на это вниманія—ѣхали себѣ торжественно и важно, и развѣ уже вполне были увѣрены въ успѣхѣ—тогда мгновенно всѣ схватывались съ дрожекъ, брали въ плѣчь двухъ-трехъ негодяевъ и тутъ-то уже тѣшились: у иного отрывали чубъ, били по рукамъ линейками, которыя всегда были съ нами, обрывали уши и т. п. Подымался крикъ, гамъ, плачъ—выбѣгали матери плѣнниковъ, бранились, называли насъ чортовыми горшками, а мы вновь садились на безсмертныя дрожки и тѣмъ же торжественнымъ важнымъ шагомъ *держали путь свой*. Но весна, лѣто были для насъ истиннымъ наслажденіемъ, потому что насъ отпускали иногда *въ классы* пѣшкомъ: въ такомъ случаѣ мы избирали кратчайшій путь черезъ рѣчку, не смотря ни на

какую погоду; мы обыкновенно купались сначала, потомъ, сложивши на головахъ всю свою одежду, переходили въ бродъ на другой берегъ, одѣвались и шли дальше. Но какъ намъ этого дѣлать не позволялось, то мы всячески старались не смочить волосъ на головѣ, чтобы иногда учителя не догадались, тѣмъ болѣе, что намъ иногда, не имѣя часовъ, случалось опаздывать... Карпъ же, получая отъ насъ куски бубликовъ, булокъ, пирожковъ и т. п. лакомья вещи, благоразумно умалчивалъ о нашихъ рѣзвостяхъ (я не называю этого шалостями) и когда учитель даже спрашивалъ его, почему дѣти поздно пришли, онъ отвѣчалъ, что *нерано обидалы—булы гости у Ивана Ивановича*; тѣмъ все и кончалось. Въ приготовительномъ классѣ я научился бойко читать, мастерски писать, лазить по деревьямъ и сбивать яблоки и груши, что, какъ извѣстно, зналъ я еще весьма хорошо и дома. После экзамена, на которомъ я прегромко и пречтливо рассказаль о царяхъ Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ, рѣшилъ безошибочно какую-то задачу на правило дѣленія и показаль свои прописи—меня перевели во второй классъ. Это исполнило меня радостью неописанною, тѣмъ болѣе, что на публичномъ экзаменѣ, я имѣлъ счастье получить изъ рукъ горничнаго въ награду *Книгу съ картинками* (Это была естественная исторія съ изображеніемъ звѣрей). Отецъ мой, который былъ тутъ-же на экзаменѣ, заѣхаль со мною къ смотрителю, благодариль его и учителей за успѣхи мои—и мы поѣхали домой. Я провелъ весь день съ своей книгой, рассказываль всѣмъ ея содержаніе, обьясняль картинки, читаль даже босымъ дѣвкамъ и мальчишкамъ и, набѣгавшись по сѣнокосу, уже вечеромъ—я заснулъ крѣпкимъ сномъ съ книгою-же подъ подушкой. На другой день отправлено было Игнату Григорьевичу: двѣ индѣйки, мѣшокъ пшеничной муки и горшокъ масла. Лѣтній мѣсяцъ каникулъ я провелъ въ полномъ восторгѣ: самое большее наслажденіе было для меня отправляться на сѣнокосъ и быть тамъ цѣлый день. Меня чрезвычайно занималь этотъ стройный рядъ косарей, ихъ разгульныя, молодецкія пѣсни, ихъ шутки и насмѣшки—и съ какимъ удовольствіемъ я бѣжалъ вмѣстѣ съ косарями къ старому дубу, гдѣ старая же баба

готовила вкусный борщъ по средамъ и пятницамъ съ соленою рыбой, таранью, а въ прочіе дни съ свинойю. Я садился тутъ же обѣдать, поодаль отъ косарей—ѣлъ борщъ и кашу, былъ доволенъ этими блюдами, какъ нельзя больше, и когда косари ложились отдыхать, я находилъ для себя занятіе: бродилъ по лугу, рвалъ цвѣты, ловилъ бабочекъ и т. п. Когда случалось, что приходилъ мой отецъ и также тутъ обѣдалъ, то здѣсь уже была перемѣна декорацій: послѣ обѣда мы обыкновенно ложились отдыхать, разсуждали о наукахъ, рѣшали умственные задачи и т. п. Когда скошенное и высушенное сѣно принимались сгребать и складывать, то это было для меня еще занимательнѣе: здѣсь работа производилась и женщинами. Пѣсни, шалости, крикъ, смѣхъ—все это очень интересовало меня.

Но каникулы прошли. Нужно было думать объ училищѣ. Я грустно смотрѣлъ на копны хлѣба, которыя только-что начинали являться на поляхъ, со слезами на глазахъ прощался съ садомъ, гдѣ уже покрывались стыдливымъ румянцемъ сливы и груши; нѣсколько разъ бѣгалъ къ подмѣченному въ густотѣ орѣшника гнѣздышку птички, гдѣ уже были птенцы, едва оперившіеся—все, все нужно было оставить: и садъ, и жатву, и птичекъ, и лѣса, и луга, и горы! Но грустное расположеніе духа продолжалось часъ-два не болѣе. Когда я садился въ повозку или на дрожки и выѣзжалъ на гору, на зѣньковскую дорогу, мечты мои переносились въ другой міръ: мнѣ представлялись уже новые наставники: Иванъ Ѳеодоровичъ Романовскій и Василій Осиповичъ Бублиевъ—первый въ своемъ франтовскомъ сюртучкѣ или синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, второй съ вѣчно соннымъ и краснымъ лицомъ; передо мною мелькали мои новые товарищи въ разнообразныхъ одеждахъ и каждый съ запасомъ какихъ нибудь съѣстныхъ снадобій во всѣхъ карманахъ; аудиторство, новыя походы на безсмертныхъ дрожкахъ; чудесный садъ Кричевскаго, разматываніе нитокъ и нанизываніе бисеру, бублики, спеченные на постномъ маслѣ, подаваемые намъ обыкновенно къ чаю—превкусные, старый шкафъ съ какими-то иностранными книгами, въ которомъ я любилъ иногда порыться,—все это, вмѣстѣ взятое, изгоняло изъ памяти моей деревенскія

впечатлѣнія—я уже жилъ новою жизнью: былъ доволенъ и счастливъ. Я поступилъ во второй классъ—учился, разумѣется, хорошо, и августъ и сентябрь прошли для меня благополучно. Но въ октябрѣ вдругъ случилось происшествіе—маленькій переворотъ въ моей жизни. Это былъ *танцклассъ*. Такъ какъ у Кричевскаго было насъ довольно и при томъ двѣ барышни, которыя учились у сестеръ Кричевскаго, то, не знаю, кому изъ нихъ пришла въ голову мысль учить насъ танцовать. Назначено было два раза въ недѣлю—не помню въ какіе дни. Я уже предчувствовалъ, что этотъ танцклассъ мнѣ не понравится, хотя не зналъ почему. Въ назначенный день мы собрались вечеромъ въ залъ, каждый, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ сапогахъ, въ какихъ ходилъ обыкновенно, и въ той же самой одеждѣ. Музыки никакой не было, но старшая сестра Анна Ивановна держала въ рукахъ гитару. Насъ построили въ правильную шеренгу и заставили пройти три раза по комнатѣ подъ однообразный тактъ: *разъ, два, три*. Это показалось мнѣ нѣсколько занимательнымъ или по крайней мѣрѣ не скучнымъ, не тягостнымъ. Но когда маршъ кончили и насъ начали учить выдѣлывать разныя *па*, то на меня напала такая тоска, что я не могъ рѣшительно дѣйствовать сознательно, безпрестанно ошибался, вслѣдствіе этого подвергнулся осмѣянію, какъ неспособный къ танцамъ: это очень сильно затронуло мое самолюбіе, и я тогда-же рѣшился во что бы ни стало болѣе не танцовать, т. е. или вовсе не являться на танцклассы, или показать совершенную неспособность къ этому искусству.—Въ слѣдующій же разъ, я сказалъ, что у меня болитъ голова, и по тому остался въ своей комнатѣ. Каждый разъ я находилъ какое нибудь обстоятельство, чтобы только не танцовать: то болѣла голова, то уроковъ не выучилъ, то надобно сдѣлать задачу и т. п. Спусти однако-жъ два мѣсяца, по истеченіи всѣхъ отговорокъ, я явился на танцклассъ.—въ это время танцовали экосезъ; но такъ какъ я не зналъ первоначальныхъ правилъ, то и остался только *хладнокровнымъ зрителемъ* этого танца. Всего замѣчательнѣе, что всѣ эти балеты совершались подъ звуки единственной гитары, на которой преплохо игралъ самъ смотритель и кое какъ бреччала Анна Ивановна. Паленька мой былъ увѣ-

домленъ, что я не имѣю способностей къ танцамъ—мнѣ былъ сдѣланъ *выговоръ за то, что я не имю способностей*, и въ дальнѣйшемъ ходѣ моего образованія я на счетъ танцевъ былъ оставленъ въ покоѣ. Что же касается пріобрѣтенія другихъ познаній, болѣе солидныхъ, то я былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ училища, и когда былъ экзаменъ для перевода въ третій классъ, то я на доставшійся по жребію вопросъ изъ катехизиса о двѣнадцатомъ членѣ Символа Вѣры отвѣчалъ такъ громко, такъ безошибочно, такъ внятно, что смотритель и учитель не находили словъ выразить свое удовольствіе, представляли всѣмъ прочимъ ученикамъ въ примѣръ, какъ надобно *держатъ экзаменъ*, и въ вѣдомости отмѣтили мнѣ изъ катехизиса: *excellentissime* (тогда еще не знали шаровъ для отмѣтокъ уснѣховъ). Изъ грамматики отвѣчалъ я также бойко, склонялъ и спрягалъ что ни давали мнѣ. Учители остались мною довольны и по этому предмету и въ вѣдомости отмѣчено мнѣ было: *optime*. Изъ другихъ предметовъ я также получилъ хорошія отмѣтки. Вслѣдствіе этого переведенъ былъ въ третій классъ съ наградой. Награда эта состояла въ книгѣ: *Способъ молиться*, твореніе го-^лспожы Гюнонъ. Каникулы прошли для меня также поэтически, какъ и всѣ вообще прочіе. Въ третьемъ классѣ я учился довольно хорошо; преподаваемые тамъ науки были почти тѣ же, какъ и теперь въ послѣднемъ классѣ училища, за исключеніемъ только особенной науки, о которой я впослѣдствіи ни въ какихъ уставахъ не начитывалъ и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы она преподавалась въ какихъ либо другихъ училищахъ—это наука была: Правила слога. Въ чемъ состояла эта наука, для чего учили ее—ни я, и ни кто другой изъ товарищей моихъ не постигалъ. Книги не было—она состояла изъ рукописной тетрадки листа въ четыре обыкновеннаго письма. По заглавію видно, что дѣло шло о слогѣ, т. е. способѣ выражать мысли; но сколько помню, насъ *сочинять не учили*—такая сумасбродная мысль не могла родиться и въ головѣ уѣзднаго учителя (а теперь во второмъ классѣ гимназій десятилѣтнихъ мальчиковъ заставляютъ сочинять). Время не сохранило для меня этой драгоценной тетрадки, память не удержала ни одной мысли, вѣроятно потому,

что эти мысли были выше тогдашняго моего ума, и о правилахъ слога я помню только по названію. Геометрію мы изучали и теоретически и практически: мѣряли сараи, рѣку, дороги, голубятню, столбъ, на которомъ висѣлъ училищный колокольчикъ, и церковь, сосѣдную съ училищемъ. Географія какъ-то пришлась у насъ послѣ обѣда въ два часа, а потому учитель рѣдко бывалъ цѣлый классъ, а по большей части только въ началѣ, послѣ же ложился спать—мы оставались въ училищѣ сами, раскладывали и развѣшивали географическія карты, какъ намъ вздумается; одинъ обыкновенно говорилъ громогласно урокъ, разумѣется, какъ попало, а прочіе садились, а иногда и ложились на скамьяхъ, ѣли бублики, сухія груши, пряники; если проходилъ сластенникъ мимо окна, то мы покупали сластены и также ѣли. Но всего болѣе доставлялъ намъ удовольствія ученикъ Слѣсаренко (или по уличному—Кузьмичъ), сынъ зѣньковскаго купца; онъ обыкновенно каждый день приносилъ что нибудь лакомое: рожки, пряники, изюмъ, винныя ягоды, и мы всё пировали на славу. Къ концу класса приходилъ учитель и наскоро задавалъ урокъ на слѣдующій разъ. Я еще забылъ сказать объ одномъ довольно важномъ обстоятельстве. Такъ какъ Зѣньковъ разбросанъ довольно на большомъ пространствѣ, а училище находится на самомъ краю города, то нѣкоторые бѣдные ученики, живущіе далеко, приносили съ собою и обѣдать, очень часто даже и въ горшкахъ. Это дѣлалось съ вѣдома начальства; чтобы не было злоупотребленій, то оставленныхъ безъ обѣда запирали въ сарай. Впрочемъ иногда и туда проникало милосердіе.

Въ занятіяхъ подобнаго рода и такимъ образомъ, какъ описано мною, прошелъ весь академическій годъ. Приблизился окончательный экзамень, т. е. когда я долженъ былъ получить аттестатъ, оставить Зѣньковъ и переѣхать въ Полтаву—въ тамошнюю губернскую гимназію. Сколько подвиговъ, надеждъ, предположеній! Боже мой—съ перваго іюня, когда начались экзамены, до 28 или 29 іюля, когда я, мой отецъ и братъ мой Андрей, сѣли въ бричку и поѣхали въ Полтаву—все это пространство двухъ мѣсяцевъ времени такъ живо врѣзалось въ моей памяти, что я никогда не забуду: голова моя кружилась,

мнѣ непремѣнно хотѣлось получить со всѣхъ предметовъ *eminentissime* или *excellentissime*, хотѣлось щегольнуть своимъ аттестатомъ предъ дядей Ильею Ивановичемъ Геевскимъ, къ которому мы должны были заѣхать по дорогѣ въ Полтаву; мнѣ хотѣлось превзойти своихъ товарищей и въ особенности Хмару, которому отдавали преимущество предо мною, и пр. и пр. И представьте мою радость, мой восторгъ: почти всѣ мои надежды сбылись за исключеніемъ того, что я получилъ изъ ариѳметики и геометріи *optime*, вмѣсто ожидаемаго *eminenter*—да и *optime* то, какъ я теперь соображаю, записано мнѣ чуть-ли не вмѣсто *sufficienter*; вѣроятно, было сдѣлано маленькое снисхожденіе— я былъ плохой математикъ.

Въ Зѣньковѣ обыкновенно бываетъ ярмарка двадцать четвертаго іюня въ день Рождества Іоанна Предтечи и продолжается три дня 23, 24 и 25. Такъ какъ на эту ярмарку съѣзжаются многіе сосѣдніе помѣщики, то училищное начальство всегда распоряжалось такъ, чтобы публичный экзаменъ былъ 23, 24 или 25 іюня. Въ 1825 году, т. е. когда я кончилъ курсъ, онъ былъ двадцать-пятого числа. Съ самаго утра все предвѣщало необыкновенное торжество или, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, что все торжествуетъ по случаю окончанія моего курса въ училищѣ. За четыре или пять дней училище было вымыто и вымазано бѣлой глиной внутри и снаружи; дворъ чисто выметенъ; парадный ходъ обсыпанъ травою; торжественная зала (она же и обыкновенная зала, гдѣ обѣдали учителя и ихъ пансіонеры) убрана была блестящею мебелью, свезенной со всѣхъ концовъ уѣзда; разставлены глобусы, развѣшены ландкарты, столъ накрытъ сукномъ; на столѣ похвальные книги и... аттестаты! Часу въ шестомъ послѣ обѣда, т. е. послѣ разныхъ окончательныхъ продажъ и покупокъ, начали съѣзжаться *почтеннѣйшіе посьтители*; сначала, разумѣется, не совсѣмъ почтенные, потомъ почтеннѣе, далѣе болѣе почтенные и, наконецъ, уже около половины седьмого часа почтеннѣйшіе, т. е. аристократы края: Маршалъ дворянства ¹⁾, Городничій, Судья и Под-

¹⁾ Такъ въ то время назывался Предводитель дворянства.

судки, стряпчій и нѣкоторые помѣщики *большой руки*. Такъ какъ музыки тогда не было, то *представленіе* началось пѣніемъ какой-то молитвы, аранжированной изъ лучшихъ голосовъ (безъ нотъ) законоучителемъ. Потомъ всѣ сѣли, кромѣ учениковъ, которые стояли въ нѣсколько рядовъ въ глубинѣ залы. Началось испытаніе въ законѣ Божіемъ, російскомъ языкѣ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и во всѣхъ прочихъ предметахъ: говорили басни, рассказывали по картѣ, рѣшали задачи, вертѣли глобусы и многіе другіе фокусъ-покусы. Но болѣе всего понравилось публикѣ два фокуса: первый—два ученика пересказали разговорно басню Крылова *Любопытный*, и второй—я проговорилъ съ *приличными тѣлодвиженіями* отрывокъ: *Эдипъ и Антигона* (изъ трагедіи Озерова). Толстый городничій Гуровъ поцѣловалъ меня; что же до учениковъ, произнесшихъ *Любопытнаго*, то и описать не умѣю, какъ всѣ были довольны: по желанію Маршала дворянства *вельно было повторить...* Когда переэкзаменовали всѣхъ, то учитель историческихъ наукъ И. Ф. Романовскій началъ говорить *благодарственную рѣчь*, а чтобы публикѣ не было скучно, лакеи разносили почтеннѣйшей публикѣ чай и цуцины, а намъ конфѣкты, пряники и орѣхи (и въ тѣ времена, какъ и теперь, ораторство нуждалось во вспомогательныхъ средствахъ—иначе всѣ бы уснули). По окончаніи рѣчи, намъ роздали награды и аттестаты: самъ Маршалъ совершилъ этотъ подвигъ. Публика поднялась: смотрѣли еще нѣсколько минутъ прописи и рисунки. Наконецъ начали разѣзжаться. Отецъ подошелъ ко мнѣ, горячо поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: „Благодарю тебя, Степаша! ты порадовалъ меня!“ Съ тѣмъ мы поѣхали. Выѣхавши за городъ, отецъ спросилъ у меня аттестатъ, прочиталъ его раза три, сложилъ, положилъ въ свой боковой карманъ и сказалъ: „съ этимъ добромъ не стыдно и въ Полтаву ѣхать!“

(Продолженіе слѣдуетъ).